

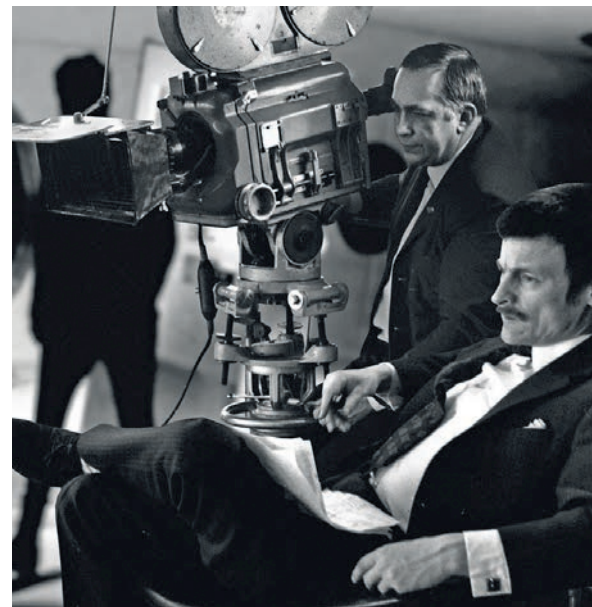
«Свободный полет»

МОСКВА, НОВАЯ ТРЕТЬЯКОВКА

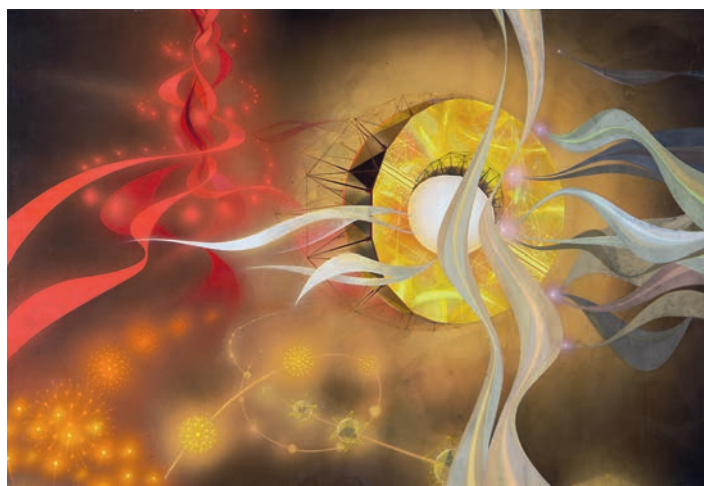
21 ИЮНЯ — 22 СЕНТЯБРЯ

— Владимир Яковлев,
«Портрет с крестом»,
1970-е

— Андрей Тарковский
и Валерий Юсов
(коллаж)

— Франциско Инфанте,
проект системы
«Плод», 1971

— Дмитрий Красно-
певцев, «Кувшины
и висячий камень»,
1970

Музей AZ совместно с Третьяковской галереей соберет в залах бывшего ЦДХ, а теперь — крыле «Лаборатория» Новой Третьяковки все части своей уже знаменитой трилогии, посвященной творчеству Андрея Тарковского и художников-нонконформистов 1960–1980-х. Помимо уникальных архивных документов на площади в 3,5 тыс. кв. м куратор экспозиции и арт-директор Музея AZ Полина Лобачевская разместила видеоинсталляции, к примеру, Платона Инфанте, а также 66 живописных, графических и скульптурных работ из коллекции основателя институции Наталии Опалевой — художников Анатолия Зверева, Дмитрия Плавинского, Владимира Янкилевского, Дмитрия Краснопевцева и других. Выставка примечательна еще и тем, что проходит в год двойного юбилея — 50 лет назад состоялась премьера «Андрея Рублева» на Каннском фестивале, а 40 лет назад на экран вышел «Сталкер».

К открытию выставки выйдут и книга «Свободный полет» кинокритика и киноведа Андрея Плахова. С его разрешения мы публикуем фрагмент предисловия. «Эта головокружительная история началась в 2016-м с выставки в электротелеатре «Станиславский», устроенной Музеем AZ и Фондом «Два Андрея» в летние дни Московского кинофестиваля. Выставка называлась «Предвидение». На больших экранах с мощной подсветкой — гипнотические кадры из «Сталкера» Андрея Тарковского, рядом — живописные работы художника Петра Беленка, похожие на бесприютные, тревожные сны. И те и другие проникнуты предощущением грядущей катастрофы. И те и другие были созданы, когда до Чернобыля оставалось меньше десятка лет, но о такой перспективе тогда никто — ну, почти никто — не думал...

Прошел год: летом 2017-го в Новом пространстве Театра наций, под сводами московского здания с двухвековой историей, развернулась другая выставка — «Прорыв в прошлое. Тарковский & Плавинский», похожая и не похожая на предыдущую. Сходным был принцип: фильм Андрея Тарковского — на сей раз это «Андрей Рублев» — сопоставлен с творчеством его современника Дмитрия Плавинского. Живя в одном городе, режиссер и художник ни разу так и не встретились, но их заочный диалог прочитывается теперь, с полувековой дистанции, как культурный код эпохи и ее ключевой сюжет. Ведь именно в середине 1960-х духовная жизнь в России, вопреки атеистической доктрине, устремилась к богоискательству, к открытию в далеком прошлом страны источников художественной энергии.

И снова лето — теперь 2018-го. Собственно, еще май, но жара уже охватила город: ведь это Флоренция, и именно здесь, в здании фонда Франко Дзеффирелли, проходит первая зарубежная выставка Музея AZ — «Новый полет на Солярис». На первом этаже барочного дворца разместился условный космический корабль с иллюминаторами, в которые — вот чудеса современных

технологий — вмонтированы ожившие, динамичные живописные полотна. Рядом — медленно плывущие кадры «Соляриса» Тарковского. Его герой не с собой в космос шедьеры прошлых веков. На сей раз в воображаемый полет отправились работы двенадцати художников середины XX столетия — тех же Плавинского и Беленка, но также Анатолия Зверева, Лидии Мастерковой, Дмитрия Краснопевцева, Франциско Инфанте...

Буквально на моих глазах (но уверен, есть гораздо больше свидетелей этого культурного феномена) возник триптих из трех выставок. Его главные вдохновители и создатели — генеральный директор Музея AZ Наталия Опалева, арт-директор, автор и куратор всех проектов Полина Лобачевская, дизайнер Геннадий Синев, медиахудожник Александр Долгин. Первые два проекта осуществлены при участии фонда «Два Андрея» (глава фонда Вячеслав Шмыров, киноведы Татьяна Йенсен и Зоя Кошелева).

Похоже, все начиналось спонтанно, однако в итоге выпукло обозначилась концепция: переключка творческих идей Андрея Тарковского с работами «художников-нонконформистов». Нет, это хоть и ввевшееся в сознание, но неточное слово. И «второй авангард» не до конца нас устраивает. Не претендуя на всеобщее согласие, будем придерживаться неформальной терминологии, взятой на вооружение Музеем AZ: советский ренессанс. Не новый, не второй, а именно советский. Каким он еще мог быть в эпоху относительной гуманизации социалистического режима? А гуманизм и ренессанс, как партия и Ленин, близнецы-братья.

Одновременно стали прорисовываться другие взаимосвязи — прежде всего с искусством Италии. После Второй мировой она пережила во многом сходный с Советским Союзом процесс крушения тоталитарных мифов, первая в Европе испытала культурный расцвет и породила великий кинематограф. Если в избразительном искусстве двух стран обнаруживаются удивительно настойчивые параллели и переключки, то в сфере кино можно говорить о решительном влиянии неореализма и постнеореализма на советских кинематографистов времен оттепели. Тарковский в этом смысле не исключение, и не случайно именно Италия стала первой территорией его предсмертного зарубежного турне.

То, что «Полет на Солярис» нашел свою стартовую площадку во Флоренции, символично. Здесь и в окрестностях Тарковский снял «Ностальгию», став, как и Франко Дзеффирелли, культурным героем этого прославленного города. А потом свободный полет пошел по новым траекториям: они включают Монцу под Миланом, возможно, к ним добавятся другие итальянские (и не только) города. Наконец, самое важное — Москва, Третьяковская галерея, где представлен весь выставочный триптих, так и названный: «Свободный полет».